

Ученые
создадут
новый
тип
института

Ч 21
Г. 70

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
"ИНСТИТУТ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ"

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ "МОБИЛИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ"

Тел.: (383) 250-1081

ISBN 5-88017-025-2

ГОРОДОК.ru

Новосибирский Академгородок
на пороге третьего тысячелетия

Воспоминания, размышления,
проекты

Новосибирск 2003

ПОСТРОИМ ТЕХНОПАРК НА ГУМАНИТАРНОМ ФУНДАМЕНТЕ

*Н.С. ДИКАНСКИЙ,
член-корреспондент РАН,
ректор НГУ*

Я – из «серии» абитуриентов-энтузиастов, приехавших в 1959 году осваивать Сибирь. Правда, вначале я хотел поступать в Московский физико-технический институт, но опоздал на приемные экзамены (в этом вузе они проходили раньше, чем в других). И тут мне попалась на глаза статья в «Правде» о том, что возле Новосибирска строится большой научный центр. Я купил билет на поезд и приехал сюда из своего Донбасса. Моя жена, с которой мы здесь познакомились, отправилась в Новосибирск из городка Шахты после того, как прочитала эту же статью. Приехали ребята из Москвы, Ленинграда, Запорожья и из других дальних мест.

На время вступительных экзаменов нас поселили в спортзале Института связи. Весь пол устлали матрацами, на них и спали. Мое «спальное место» помещалось между брусьями. После экзаменов нас «перебросили» в пионерский лагерь рядом с постом ГАИ. Бытовая неустроенность казалась нам интересным приключением.

На месте Морского проспекта была просека. Только два жилых трехэтажных дома. И подъемные краны...

Многие наши преподаватели были молодыми (в основном выпускники МФТИ – Московского физико-технического института). Поселились рядом с нами, в том же доме, где разместилось студенческое общежитие. Между преподавателями и студентами не было дистанции, мы общались неформально. Часто приходил к нам и Михаил Алексеевич Лаврентьев, рассказывал много интересного. На него мы смотрели снизу вверх.

Я нашел в Академгородке все, о чем мечтал. Много лет работал в Институте ядерной физики рядом с Будкером и другими самобытными людьми. При мне выполнено много интересных работ, «сгенерированных» специалистами ИЯФа. И я стал автором сотни статей. Занимался и теорией, и экспериментами, и прикладными разработками. Почти все это было связано со «встречными пучками». Как известно, «встречные пучки» особенно интересовали основателя ИЯФа Будкера. Хотя сама идея «встречных пучков» нам не принадлежала, но в нашем институте это направление развивалось наиболее успешно.

В 90-е годы в ИЯФе, как и у всей российской науки, было больше потерь, чем успехов. Много молодых сотрудников уехало за границу. Говорят, что уехали лучшие. А мне кажется, сбежали за границу слабые, «троечники в душе». Остаются люди из первых десантов, создававшие институт. И те, что сформировали свою школу, построили собственные установки, признаны лучшими в мире по своим научным направлениям.

ИЯФ на своем опыте доказал, что выжить в смутное время могут и крупные институты. Это не только один из самых больших в мире НИИ (в нем работает 3000 человек), но и мобильный, и управляемый в высокой степени (лишь в последние годы с управляемостью стало похуже). Институт такого профиля не мо-

жет быть маленьким. Физику высоких энергий не запихнешь в мини-лабораторию, подобную химической, где манипулируют с пробирками и микроколичествами вещества. Нам нужны большие установки и инструменты, полупромышленное производство. В ИЯФе 70 технологических участков. Для некоторых экспериментов требуется несколько километров магнита и огромное количество электроэнергии.

Физика высоких энергий дошла до таких масштабов, что ее уже невозможно развивать усилиями одного государства. В некоторых научно-технических проектах, в строительстве гигантских установок (коллайдеров) участвуют все европейские страны и США. А без ядерной физики не «продвинуть» энергетику. Да и для познания природы нужно прежде узнать, как взаимодействуют элементарные частицы.

Из-за недостатка госбюджетных средств ИЯФ не может сейчас строить крупные установки для нашей страны. Делаем лишь кое-что малогабаритное (например, для отечественных поликлиник – рентген-установки со сниженной дозой облучения, которые в пять раз дешевле зарубежных аналогов). А 95–97% работ институт выполняет по зарубежным контрактам. Лишь благодаря тому что сохранили большой институт, мы еще способны участвовать в международных научных проектах и братья за комплексные заказы зарубежных фирм, предусматривающие разные технологии. Иная ситуация – в Протвино, где в Институте высоких энергий из 1100–1200 сотрудников в «научном производстве» осталось 100. Маломощному институту не под силу крупные зарубежные заказы, без каких сегодня не выжить. А в нашем ИЯФе продолжают работать даже «чистые теоретики» – мы содержим их за счет заработков по зарубежным контрактам. Все это позволило нам, несмотря ни на что, сохранить мировое лидерство по многим научным позициям.

Однако слишком долго «выживать» нельзя. При нынешнем финансировании мы не можем обновлять оборудование. Станки изнашиваются. Мы «проедаем» наши основные фонды...

Не миновали кризисы и Новосибирский госуниверситет, где я четыре года назад стал ректором. В прошлом девять лет был тут

деканом, потом лет девять почти не заглядывал в университет. Зашел, когда начали «сватать» на пост ректора. И ужаснулся. Все запущено, расхристано, развалено. Беспорядок извне и внутри, в учебном процессе. Я не собирался работать ректором, потому что на мне «висело» много ияфовских контрактов. Но понял: университет нужно спасать. Ведь только благодаря университету в Сибирском отделении сохранились научные школы. Если НГУ зачхнет, то Академгородок перестанет быть Академгородком.

Сейчас НГУ постепенно выбирается из глубокого провала. Правда, мне приходилось ходить с протянутой рукой, просить милостыню, чтобы отремонтировать аудитории. Часть дополнительных, внебюджетных средств (500 тысяч рублей) дал недавно созданный попечительский совет университета. С его помощью продолжили строительство «замороженного» спорткомплекса. Но никак не можем довести его до конца. Пока в плохом состоянии и студенческие общежития. Мы ремонтируем только крыши, а комнаты вкладчину, как могут, ремонтируют сами студенты.

НГУ расширяется. За три года открылось много новых факультетов – психологии, иностранных языков, информационных технологий. В последнее время усилилась гуманитарная компонента, которая была недоразвита и в НГУ, и в Сибирском отделении. Я всегда считал ошибкой недооценку гуманитарных наук. Сейчас в университете гуманитарный блок развит сильнее, чем в СО РАН. Надеюсь, с помощью наших выпускников в Сибирском отделении расцветут и гуманитарные науки.

Мне кажется, в Сибирском отделении пора открыть Институт востоковедения (на факультете естественных наук НГУ уже появились первые востоковеды). Ведь Россия (в том числе и Сибирь) активно взаимодействует с Китаем, Японией и с другими странами Востока.

Собираемся организовать в НГУ еще несколько новых факультетов. Уже действует медицинское отделение, появится и медицинский факультет. Потому что в Новосибирском медицинском университете представлены не все направления медико-биологической науки, не учитываются новейшие достижения. Этот пробел восполнится в НГУ. В свое время НПО «Вектор», занимающееся

медико-биологическими исследованиями, получило из нашего университета 1000 выпускников. Будем готовить исследователей и для институтов Академии медицинских наук. Думаю, что и Сибирское отделение АМН, и «Вектор» обязаны помочь НГУ, принять участие в организации «своего» факультета.

Я давно говорю, что в НГУ нужен и юридический факультет. Обычно юридические факультеты действуют в тех городах, где сформировались профессиональные школы юристов, подобные нашим научным школам. Очень плохо, что у юристов столицы Сибири до сих пор нет своей школы. Пусть фундамент для нее создаст будущий юридический факультет НГУ, а «базу» для факультета – Институт философии и права СО РАН (надеюсь, со временем в этом институте права будет не меньше, чем философии).

Я убежден, что необходимо расширять преподавание гуманитарных, общественных предметов и на факультетах, готовящих специалистов точных и технических наук. На физфаке всегда работали лучшие преподаватели общественных наук. У физиков восприятие критическое, и слабые преподаватели тут только дискредитируют свой предмет. Я ввел для будущих физиков психологический факультатив. Каждый образованный человек должен быть немного психологом (тем более если ему придется искать партнеров и заключать контракты, что становится обычным делом для научных сотрудников).

Конечно же, нынешние студенты совсем не такие, какими были мы, наше поколение. Они меркантильны, раскованны (может, даже развращены от вседозволенности) и вряд ли патриоты. Многие откровенно говорят, что, получив диплом, постараются уехать за границу. Рядом со студенческой дискотекой приходится выставлять охрану, чтобы не было драк и наркотиков. Наверное, нужна охрана и во всех общежитиях НГУ. Нет прежнего неформального общения студентов с преподавателями. Кроме всего прочего, некогда: и те и другие подрабатывают, чтобы свести концы с концами. И студенческий, и преподавательский профкомы неактивны. Все разобщены. И мне трудно контактировать со студентами: непонятно, к кому обращаться и кто их представляет.

Очень нужно, но пока не удалось возродить в университете коллективизм.

Многое в НГУ меняется, но его главное назначение – прежнее: готовить кадры для Сибирского отделения РАН. Сибирское отделение вносит свой вклад в образование – бесплатно предоставляет оборудование, электроэнергию и все необходимое студентам-старшекурсникам, работающим в исследовательских институтах. Думаю, нужно, наконец, «легализовать» эти отношения, учредить для НГУ двойное подчинение – не только Министерству высшего образования, но и Сибирскому отделению РАН. И если бы при этом появилась надежда на значительное улучшение финансирования университета... Небольшие положительные сдвиги уже происходят: до университета стали доходить хоть какие-то деньги (раньше «платили» только взаимозачетами). НГУ удалось оплатить долги. В том числе и особенно удручавшие нас долги за электроэнергию. Расход электроэнергии повысился, потому что большинство (75%) студентов из-за дороговизны питается не в столовой, а готовит обеды в общежитиях.

Без инвестиций мы не спасем науку и образование, не спасем Академгородок. Нужно, наконец, создать «пояс внедрения». Во времена Лаврентьева пытались реализовать эту правильную идею в «Факеле», но он не вписался в экономику, задавленную планом. Позднее пробовали создать технопарк, но зачем он стране, «заморожившей» собственные наукоемкие производства и покупающей за границей даже компьютеры? И все-таки как будто начинается новый этап «факелизации» – при многих институтах появились маленькие фирмы и компании, ежегодно поставляющие на рынок наукоемкую продукцию на миллионы долларов.

Мне кажется, приближается долгожданный инвестиционный бум. В Академгородок придут не только мелкие, но и крупные отечественные и зарубежные компании, понимающие, что почем на рынке. Например, англо-французская компания, выпускающая оборудование для нефтяной промышленности, интересуется нашими разработками по геологии и геофизике и хочет построить здесь свой исследовательский центр, чтобы переводить научные идеи в технологии. Построят свои техноцентры вокруг Академго-

родка и другие фирмы, когда убедятся, что в нашу науку выгодно вкладывать деньги. Так и сформируется «пояс внедрения». Видимо, весь Академгородок превратится в большой технопарк, разрабатывающий высокие технологии. В некоторых институтах продолжат фундаментальные исследования на средства, отчисляемые из технопарка. А университет обеспечит подготовку высококвалифицированных специалистов. И тогда большинство наших выпускников, надеюсь, останутся в нашей стране.

Я верю, что так будет. Разве Академгородок дорог только тем, кто здесь живет? Ведь это национальное достояние, жемчужина России.